

Анне Хартман

Подходы. Лион Фейхтвангер, Москва 1937

Путешествие в Советский Союз служило для иностранца, по словам Вальтера Беньямина, «очень точной лакмусовой бумагой». «Оно вынуждает каждого занять свою позицию. Но, по сути, единственная порука правильного понимания увиденного – занять позицию еще до своего приезда. Увидеть что-либо именно в России может только тот, кто определился заранее»,¹ – утверждал писатель. В «московских» размышлениях самого Беньямина заметна очевидная нехватка такого рода predetermined убежденности, зато ее четкие следы присутствуют в репортажах 1930-х годов о поездках в СССР западных интеллектуалов, симпатизировавших советскому строю, таких как Герберт Уэллс, Бернард Шоу, Ромен Роллан или Лион Фейхтвангер. С не меньшей решимостью исследователи, такие как Роберт Конквест или Стефан Куртуа, вынесли свои суждения об этих западных попутчиках.² Они основательно разобрались с их заблуждениями и иллюзиями, бросив в лицо упрек в ослеплении или слепоте, предательстве и моральном убожестве. Наряду с этой «литературой наставления и обвинения» в последние годы был опубликован целый ряд исследований, посвященных путешествиям в СССР немецких, французских, американских и других западных интеллектуалов. Их авторы – Софи Кёре, Рашель Мазюи, Людмила Штерн, Инка Цаль, Ева Оберлоскамп, Михаил Рыклин, Майкл Дэвид-Фокс и другие³ – делают более широкие и дифференцированные выводы.

¹ Benjamin W. Moskau // Benjamin W. Gesammelte Schriften. Bd. IV, 1 / T. Rexroth (Hrsg.). Frankfurt a. M., 1972. S. 317.

² См.: Conquest R. The Great Error: Soviet Myths and Western Minds // Conquest R. Reflections on a Ravaged Century. New York, 2001. P. 115–149; Courtois St. Die Verbrechen des Kommunismus // Das Schwarzbuch des Kommunismus: Unterdrückung: Verbrechen und Terror / R. Conquest (Hrsg.). München; Zürich, 1998. S. 23–35. В качестве дополнительных примеров критического осмысления см.: Kröhnke K. Lion Feuchtwanger: Der Ästhet in der Sowjetunion: Ein Buch nicht nur für seine Freunde. Stuttgart, 1991; Kohlhammer S. Der Haß auf die eigene Gesellschaft: Vom Verrat der Intellektuellen // Kein Wille zur Macht: Dekadenz / K. H. Bohrer, K. Scheel (Hrsg.) [= Merkur: Deutsche Zeitschrift für europäisches Denken. 2007, H. 8/9]. S. 668–680; Geier W. Wahrnehmungen des Terrors: Berichte aus Sowjetrußland und der Sowjetunion, 1918–1938. Wiesbaden, 2009.

³ Cp.: Cœuré S. La grande leure à l'est: Les Français et l'Union soviétique 1917–1939. Paris, 1999; Mazuy R. Croire plutôt que voir?: Voyages en Russie soviétique (1919–1939). Paris, 2002; Stern L. Western Intellectuals and the Soviet Union, 1920–40: From Red Square to the Left Bank. London; New York, 2007; Zahn I. Reise als Begegnung mit dem Anderen?: Französische Reiseberichte über Moskau in der Zwischenkriegszeit. Bielefeld, 2008; Oberloskamp E. Fremde neue Welten: Reisen deutscher und französischer Linksintellektueller in die

В результате было достигнуто многое; пришла пора обратиться к тем аспектам проблемы, которым ранее не было уделено должного внимания, а также начать дискуссию о новых подходах. Далее – на примере Фейхтвангера – будут высказаны некоторые предложения по этому поводу.

Западные сторонники Советского Союза как группа. Склонность к обобщению

Сегодня, как и прежде, остается неразрешенным вопрос о соотношении между отдельными биографическими исследованиями и попыткой надындивидуального дискурса. Сводная интерпретация, обобщенный анализ произведений западных сторонников Советского Союза настолько же легитимны, насколько необходимы, но в них проявляется тенденция трактования публичных заявлений западных интеллектуалов как единой большой апологии советского режима. Однако о каких публикациях идет речь? За исключением некоторых выступлений в прессе, литературный и пропагандистский «урожай» путешествий знаменитостей в СССР оказался на удивление скудным.⁴ Шоу прервал написание своих путевых заметок «*The Rationalization of Russia*»,⁵ Роллан наложил пятидесятилетний запрет на доступ к своему «*Journal de Moscou*»,⁶ Уэллс в автобиографии отчужденно дистанцировался от СССР и Иосифа Сталина.⁷ Недвусмысленным, да при этом еще и троекратным «да!» в адрес СССР заканчивается только «Москва 1937»⁸ Фейхтвангера, и, тем не менее, даже его признание на самом деле не является таким бесспорным, как можно было бы ожидать при такой концовке.

Sowjetunion 1917–1939. München, 2011; *Ryklin M.* Kommunismus als Religion: Die Intellektuellen und die Oktoberrevolution. Frankfurt a. M.; Leipzig, 2008; *David-Fox M.* Showcasing the Great Experiment: Cultural Diplomacy and Western Visitors to the Soviet Union, 1921–1941. Oxford et al., 2012. См. также: *Hourmant F.* Au pays de l'avenir radieux: Voyages des intellectuels français en URSS, à Cuba et en Chine Populaire. Paris, 2000; *Голубев А. В.* «... Взгляд на землю обетованную»: Из истории советской культурной дипломатии 1920–1930-х годов. М., 2004; *Эткинд А.* Толкование путешествий: Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М., 2001; Россия и мир глазами друг друга: Из истории взаимовосприятия / А. В. Голубев (отв. ред.). Вып. 4. М., 2007; *Political Tourists: Travellers from Australia to the Soviet Union in the 1920s–1940s* / S. Fitzpatrick, C. Rasmussen (eds.). Carlton, VIC, 2008.

⁴ Это утверждение справедливо как в отношении объема, так и содержания, поскольку тексты даже симпатизировавших СССР интеллектуалов, ни в коем случае не были однозначно позитивными. Ср. также: *Куликова Г. Б.* СССР 1920–1930-х годов глазами западных интеллектуалов // Отечественная история. 2001. № 1. С. 4–24.

⁵ Заметки были опубликованы уже после смерти писателя. См.: *Shaw B.* The Rationalization of Russia / H. M. Geduld (Hrsg.). Bloomington, 1964.

⁶ Дневник вместе с документальным приложением вышел в свет в 1992 г.: *Romain Rolland.* Voyage à Moscou: (juin – juillet 1935) / B. Duchatelet (ed.). Paris, 1992.

⁷ Ср.: *Wells H. G.* Experiment in Autobiography: Discoveries and Conclusions of a Very Ordinary Brain (since 1866). Vol. II. London, 1966. В оцб. Р. 805–821.

⁸ *Feuchtwanger L.* Moskau 1937: Ein Reisebericht für meine Freunde. Amsterdam, 1937. S. 153.

Далее, заявления о ряде западных интеллектуалов, попутчиков, сочувствующих и т. п. внушают впечатление о наличии единого европейского или даже трансатлантического западного мышления, что нивелирует как национальные различия, так и связанный с ними политический и культурный фон. Вдвойне сомнительный статус Лиона Фейхтвангера, который, начиная с 1933 г., жил в южно-французском городке Санари-сюр-Мер как еврейский эмигрант и немецкий писатель, в корне отличался от того чувства (само)уверенности и естественности происходящего, с которым в те времена жили, разъезжали по миру и возвращались на родину британцы, французы, американцы и австралийцы. Кроме того, Фейхтвангер встретил в Москве не только русских коллег, но и – с чувством определенной напряженности – своих земляков, немецких писателей в советском изгнании. Эти обстоятельства уже были отчасти приняты во внимание,⁹ однако далеко не так удовлетворительно описаны в литературе, как хотелось бы.

Обобщающий подход, кроме того, нивелирует особенности каждой отдельно взятой поездки в СССР как биографического события, зачастую даже полностью игнорируя эту специфику. В каком году состоялась поездка, в какое время года, как долго она длилась? Как выглядела подготовка к путешествию, предшествовавшие ему контакты и последовавшие вслед за ним отношения? Кто сопровождал в поездке западную знаменитость, каковы были жизненные обстоятельства путешественника, его самочувствие, мотивы и цели? Насколько широк был его личный кругозор и что ожидал он от этой поездки? Какова была программа его пребывания в СССР, с кем он встречался? Какую роль играли женщины и друзья, успехи и разочарования? Не имея возможности здесь вдаваться в детали путешествия Фейхтвангера, следует констатировать следующее:

Как политические ожидания, связанные с поездкой Фейхтвангера, так и границы его возможностей в ходе путешествия были типичными для того времени. Типичность заключалась также в том, что поездка проходила под знаком набирающего мощь национал-социализма, а не под знаком Красного Октября.¹⁰ Однако со времени Первого съезда советских писателей 1934 г. и последних помпезных поездок западных интеллектуалов условия такого рода путешествий вновь изменились. Произошло это из-за первого московского показательного процесса, состоявшегося в августе 1936 г., гражданской войны в Испании, а также в результате публикации полных разочарования путевых заметок Андре Жида «*Retour de l'U.R.S.S.*», свежий экземпляр которых Фейхтвангер взял с собой, направляясь в конце ноября 1936 г. в свою десятидневную поездку в Москву.

Помимо всеобщего политического интереса к Советскому Союзу как к противнику гитлеровской Германии, на восприятие Фейхтвангером СССР оказали влияние его весьма личные «магические очки»¹¹. В традициях просвещения, а также классической утопии об устройстве идеального государства Фейхтвангер трактовал мировую историю как «великую длительную борьбу», которую

⁹ См. например: *Oberloskamp E.* Fremde neue Welten. S. 142–143.

¹⁰ О специфической антифашистской культуре, сложившейся на Западе в середине 1930-х годов, см.: *Furet F.* Das Ende der Illusion: Der Kommunismus im 20. Jahrhundert. München; Zürich, 1996. S. 341–400.

¹¹ *Courtois St.* Die Verbrechen des Kommunismus. S. 24.

«разумное меньшинство» ведет «с большинством глупцов».¹² Таким образом, стимулом к его поездке были не вера и не энтузиазм, но мечта. Он стремился проверить, удался ли эксперимент, целью которого было построить «гигантское государство только на базисе разума».¹³ Еще одной движущей причиной для него стало противостояние между космополитизмом и национализмом, и, в конечном итоге, желание увидеть решенным еврейский вопрос в СССР.

Однако Фейхтвангер руководствовался также деловым профессиональным интересом: речь шла о советской экранизации его романа «Семья Оппенгейм»,¹⁴ об издании, вместе с Бертольтом Брехтом и Вилли Бределем, журнала «Das Wort», а также о весьма успешных переговорах с издательствами и театрами о печати и постановке его произведений. *Last but not least*, Фейхтвангер также провел в Москве некое подобие медового месяца со своей возлюбленной Евой Герман, что в определенной степени раздражало советскую сторону и серьезно мешало писателю – дневник подтверждает это – сконцентрироваться на советской повседневности.

Таким образом, это путешествие по многим причинам, которые здесь могут быть только упомянуты, выпадает из парадигмы «западные интеллектуалы в Советском Союзе», в то же время, продолжая, безусловно, оставаться частью этой парадигмы. Эта амбивалентность со всеми ее включениями и связями подлечит еще дальнейшему изучению.

Советская сторона интеракции. Посредники

То же самое справедливо и для соотношения акции и интеракции. Историография изучала западных интеллектуалов в качестве путешественников, деятелей и писателей, однако до сего времени это делалось в отрыве от действий советской стороны. И хотя мы уже имеем определенные знания о советском культурно-политическом аппарате, например о структуре, задачах и целях Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС), мы очень мало знаем о конкретных контактах таких организаций и их представителей с западными «путешественниками». «Методы гостеприимства» („*techniques of hospitality*“¹⁵) были проанализированы досконально, однако этот анализ был односторонним и трактовал действия советской стороны как меры, нацеленные исключительно на манипуляцию, а не как элемент коммуникации. Майкл Дэвид-Фокс предложил новые рамки, которые позволяют «заново осмыслить восприятие СССР за-

¹² Feuchtwanger L. Moskau 1937. S.8.

¹³ Там же.

¹⁴ Во время своего пребывания в Москве Фейхтвангер неоднократно встречался с Григорием и Серафимой Рошаль и интенсивно работал вместе с ними над текстом сценария. Фильм «Семья Оппенгейм» режиссера Григория Рошала вышел на экраны СССР 5 января 1939 г., однако после подписания пакта Молотова – Риббентропа фильм был изъят из проката.

¹⁵ Этот термин ввел в научный оборот Пауль Холландер в своем влиятельном научном труде. См.: Hollander P. Political Pilgrims: Travels of Western Intellectuals to the Soviet Union, China and Cuba 1928–1978. New York, 1981.

падными интеллектуалами как межкультурный контакт, характерный для 20-го века».¹⁶ Эти рамки предстоит заполнить.

Ключевая роль при этом отводится тем, кто в качестве опытного посредника — не в последнюю очередь в языковом и интеллектуальном отношении — вращался между Востоком и Западом и отвечал за приглашение и попечение иностранных гостей. В результате того нового направления, которое приобрела советская культурная политика в 1932–1934 гг.,¹⁷ общение с видными зарубежными гостями поручалось уже не функционерам, а уполномоченным из числа писателей и художников, обладавших международным реноме, таким как Илья Эренбург, Сергей Эйзенштейн, Борис Пастернак и Исаак Бабель.¹⁸ Однако также и таких влиятельных деятелей культуры и «фабрики контактов с Западом», как Александр Аросев, Сергей Третьяков и Михаил Кольцов с его немецкой спутницей Марией Остен не стоит унижительно квалифицировать лишь как «аппаратчиков» или «советских агентов»¹⁹, но описывать как выдающихся интеллектуалов с комплексными интернациональными карьерами и идентичностью.²⁰

Михаил Кольцов, корреспондент «Правды», газетный заправила, участник гражданской войны в Испании и председатель Иностранной комиссии Союза писателей СССР, является хорошим примером значительных лагун в историографии темы. При этом он был, очевидно, центральной фигурой тогдашней внешней культурной политики СССР, для Фейхтвангера, в любом случае, главным связующим звеном с СССР (они познакомились в 1935 г. в Париже на международном конгрессе писателей в защиту культуры), да к тому же и «самым разумным из тех, кто сидит там на верху», — как писал Фейхтвангер Еве Герман в апреле 1937 г.²¹ Вскоре после этого Кольцов лично отправился в Санари-сюр-Мер и убедил Фейхтвангера переработать пассажи из его московских заметок, касающиеся Льва Троцкого, которые Кольцов посчитал опасными. И хотя для

¹⁶ *David-Fox M. The Fellow Travelers Revisited: The „Cultured West“ through Soviet Eyes // The Journal of Modern History. 2003. Vol. 75. № 2. P. 301.*

¹⁷ Ср.: *Максименков Л.* Очерки номенклатурной истории советской литературы: Западные пилигримы у сталинского престола (Фейхтвангер и другие) // *Вопросы литературы. 2004. № 2. С. 242–291; № 3. С. 274–342.*

¹⁸ Ср. *Maximenkov L., Barnes Ch.* Boris Pasternak in August 1936 – An NKVD Memorandum // *Toronto Slavic Quarterly 2003.* Режим доступа: <http://www.utoronto.ca/tsq/06/pasternak06.shtml>. [25.5.2014]

¹⁹ В этом духе о Кольцове пишет Даниель Азуэлос в своей статье. См.: *Azuélos D.* Lion Feuchtwanger between East and West, or the Travails of Addressing History // *Against the Eternal Yesterday: Essays Commemorating the Legacy of Lion Feuchtwanger. Los Angeles, 2009. P. 18.*

²⁰ См. *Clark K.* Germanophone Intellectuals in Stalin's Russia: Diaspora and Cultural Identity in the 1930s // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2001. Vol. 2. № 3. P. 535.* Здесь же критически о «западном стандартном нарративе „манипуляции“». Об Аросеве см.: *David-Fox M.* Stalinist Westernizer?: Aleksandr Arosev's Literary and Political Depictions of Europe // *Slavic Review. 2003. Vol. 62. № 4. P. 733–759.* Компаративистское изучение культурно-политической роли Третьякова и Кольцова в качестве «культурных» посредников еще предстоит.

²¹ Лион Фейхтвангер — Еве Герман, начало апреля 1937 г. *Deutsche Nationalbibliothek (DNB). Deutsches Exilarchiv 1933–1945. Frankfurt a. M.*

этого Фейхтвангер должен был внести исправления в гранки, он с готовностью предпринял ожидавшееся от него исправление. В результате значение Троцкого, которого Фейхтвангер изначально назвал «гениальным», было систематически минимизировано, зато теперь в книге подчеркивались заслуги Сталина. Фейхтвангер также вычеркнул следующий раздел, хотя его заметка на полях и гласила: «Ластик бессилен против истории»: «Этот человек, Лев Троцкий, сегодня в Советском Союзе предан анафеме, и там стремятся вычеркнуть из истории те страницы, на которых он оставил свой след. Но это напрасная попытка, и с делом Троцкого будет покончено, в том числе и в умах советских людей, только тогда, когда справедливость восторжествует и Троцкого снова начнут воспринимать в историческом контексте».²²

Ответственность за непосредственное попечение западных интеллектуалов в Москве была возложена в первую очередь на переводчиков, в случае с Фейхтвангером – на настолько же симпатичную, насколько интеллигентную Дору Каравкину, которая уже имела опыт «обслуживания» датского писателя Мартина Андерсена-Нексё. Отчеты, которые Каравкина готовила для своего руководства – на сегодня их выявлено 17 – свидетельствуют как о ее профессионализме и красноречии, так и об усилиях, добиться удовлетворения и высокого гостя, и своего начальства. В них Фейхтвангер фигурирует как «проблемный» гость, как правило, скептически настроенный и притязательный. Себя она описывает в качестве сопровождающей, 24 часа остающейся на посту, которая неустанно заботится как об организации и выполнении программы пребывания, так и о комфорте Фейхтвангера, а также в роли большевистской наставницы, которая пытается избавить Фейхтвангера от его заблуждений, задавая ему наводящие вопросы.²³

Наряду с посредником, в исследование должна быть введена еще одна фигура контакта, а именно сам путешественник в своем качестве гостя. Гостеприимство подразумевает такие добродетели, как умение давать и брать, великодушие и благодарность – но одновременно речь также идет о «приручении» чужака, который может оказаться врагом. Эта специфическая позиция между близостью и дистанцией, внутренним и внешним, принадлежностью и отстраненностью, сбивала с толку и лишала уверенности многих путешественников.²⁴ Они были приходящими и снова уезжавшими, с полностью другим статусом, пониманием

²² См.: Lion Feuchtwanger: Moskau 1937; Beginn des Kapitels „Stalin und Trotzki“: Variantenvergleich // *Exil: Forschung, Erkenntnisse, Ergebnisse*. 2009. H. 1. S. 35; см. также: *Hartmann A. Lion Feuchtwanger, zurück aus Sowjetrußland: Selbstzensur eines Reiseberichts* // Там же. S. 16–33.

²³ Ср.: *Hartmann A. Lion Feuchtwangers Dolmetscherin: Die Rapporte der Dora Karawkina* // *Exil: Forschung, Erkenntnisse, Ergebnisse*. 2010. H. 1. S. 28–51.

²⁴ По вопросу амбивалентности см. в особенности: *Pitt-Rivers J. The Law of Hospitality* // *Pitt-Rivers J. The Fate of Shechem or the Politics of Sex: Essays in the Anthropology of the Mediterranean*. Cambridge, 1977. P. 94–112; *Gotman A. Le sens de l'hospitalité : Essai sur les fondements sociaux de l'accueil de l'autre*. Paris, 2001; *Friese H. Der Gast: Zum Verhältnis von Ethnologie und Philosophie* // *Deutsche Zeitschrift für Philosophie*. 2003. H. 2. S. 1–13; *Waldenfels B. Fremdheit, Gastfreundschaft und Feindschaft* // *Links – Rivista di letteratura e cultura tedesca*. 2005. Vol 5. P. 31–40.

и текстами, в отличие от тех, кто в качестве эмигранта или в силу договора найма, оказался в России на долгое время.

Общение и восприятие

Неудовлетворительным остается не только наше знание о структурах и персонах контактов, малоизученным остается также общение друг с другом и друг о друге. Соответствующие рамки в этом случае может задать современное транснациональное исследование, а ориентализм или, соответственно, окцидентализм, – служить адекватной концепцией оценки другой стороны. Здесь налицо присутствует некое двоякое скрещение чувства неполноценности и превосходства. Западное восхищение родиной победившей революции не исключало презрительный взгляд, обращенный на отсталость и «азиатчину» России, в то время как принимающая советская сторона была впечатлена стилем жизни своих гостей, но одновременно иронизировала по поводу политической наивности или непонимания происходящего, свойственных западным гостям.²⁵

Эта амбивалентность наложила свой отпечаток на высказывания Фейхтвангера в такой же степени, как и на отчеты Каравкиной. С одной стороны, он публично заявлял о своем признании советской системы, с другой стороны, в своих частных письмах и дневниковых заметках он демонстрировал не так много расположения по отношению к «русским», его симпатия адресовалась только отдельным персонам, таким как Кольцов и Эйзенштейн. И наоборот, то интервью, которое Сталин согласился дать Фейхтвангеру, является образцом «внутреннего ориентализма» – в нем демонстрируется полная снисходительность в отношении собственного народа, который – по словам Сталина – «еще отстаёт по части общей культурности». Культ, который складывался вокруг его собственной персоны, Сталин объясняет воодушевлением людей по поводу достигнутых побед, которое вплоть до сего времени не могло быть выражено иначе.²⁶

Наряду с особенностями дискурса необходимо также исследовать модели инаковости, используя к примеру, концепт *Othering*, с помощью которого можно описать значение другого для выработки концепции собственной идентичности.²⁷ Однако сначала следовало бы задаться вопросом о видении как таковом, об условиях, характеризовавших восприятие и обработку увиденного. Что вообще видел западный путешественник, в чем он мог разобраться? Как он «отфильтровывал», игнорировал или интегрировал наблюдения, сбивавшие его с толку? Что он мог вообще распознать в обществе, политическая жизнь которого осно-

²⁵ Ср.: David-Fox M. The Fellow Travelers Revisited. P. 306–307, 311, 315.

²⁶ Ср.: Aufzeichnung der Unterredung des Genossen Stalin mit dem deutschen Schriftsteller Lion Feuchtwanger (8. Jan. 1937) // Exil: Forschung, Erkenntnisse, Ergebnisse. 2008. H. 2. S. 25; а также: Hartmann A. Lost in translation: Lion Feuchtwanger bei Stalin, Moskau 1937 // Там же. S. 5–18.

²⁷ См. Neumann I. B. Uses of the Other: The „East“ in European Identity Formation. Minneapolis, 1999. Что касается различных способов упорядочивания проблематики «инаковости», см. в особенности: Todorov T. Die Eroberung Amerikas: Das Problem des Anderen. Frankfurt a. M., 1985. S. 221–222.

вывалась отнюдь не на открытости, а на визуализации и контроле за «условиями видимости» за счет сочетания демонстрации и утаивания?²⁸

Стоит отметить, что Фейхтвангер не был фланером, стремившимся «прочитать» Москву. *Sightseeing* – «осмотр достопримечательностей» – скорее был ему в тягость, внимание Фейхтвангера прежде всего было сосредоточено на советском искусстве и его собственном писательском успехе. Увиденное и пережитое занимает совсем немного места в его путевых заметках. Из них мы не узнаем, как он проводил свои дни, не встретим описания зимних улиц Москвы, ее домов и магазинов. Вместо собственного видения Фейхтвангер презентует нам Советский Союз из «вторых рук»: он подробно цитирует новую советскую конституцию и литературные тексты, воспроизводит голоса и мнения других, но прежде всего – точку зрения Андре Жида, правда, делая это с тем, чтобы ее оспорить.

Подразумевается само собой, что советская сторона сделала все, чтобы в результате увиденного у Фейхтвангера сложился позитивный образ СССР, однако наибольшее воздействие, обладавшее почти силой искушения, оказали на него не столько представленные на обозрение достижения, сколько единый советский дискурс. Поскольку все его официальные собеседники озвучивали одну и ту же версию советской действительности, он уверовал в субстанциальность этой версии и испытал «океаническое чувство» солидарности и гармонии.

Путевые заметки как текст – гибрид

Уже сам жанр путевых заметок заслуживает большего внимания, чем ему уделялось до сих пор. Мы имеем дело с гибридными произведениями, в которых факты и вымысел, событие и оценка, созерцание и видение представляют собой сложную амальгаму.²⁹ Путевые заметки являются текстами, написанными задним числом, которые ретроспективно делают акцент на вещах, важных, с точки зрения автора, для читателей. Автор, на тот момент еще гость, сам превращается здесь в медиатора, поскольку он стремится опосредованно передать свою правду отечественному читателю. Самоидентификация и политическое развитие нового коммунистического общества были для путевых заметок из СССР

²⁸ Münkler H. Visualisierungsstrategien im politischen Machtkampf: Der Übergang vom Personenverband zum institutionellen Territorialstaat // Strategien der Visualisierung: Verbildlichung als Mittel politischer Kommunikation / H. Münkler, J. Hacke (Hrsg.) Frankfurt a. M. u. a., 2009. S. 24–26.

²⁹ Основополагающие публикации на эту тему: Brenner P. J. Die Erfahrung der Fremde: Zur Entwicklung einer Wahrnehmungsform in der Geschichte des Reiseberichts // Der Reisebericht: Die Entwicklung einer Gattung in der deutschen Literatur / P. J. Brenner (Hrsg.). Frankfurt a. M., 1989. S. 14–49; Deeg St. Das Eigene und das Andere: Strategien der Fremddarstellung in Reiseberichten // Symbolik von Weg und Reise / P. Michel (Hrsg.). Bern u. a., 1992. S. 163–191; Reisen im Diskurs: Modelle der literarischen Fremderfahrung von den Pilgerberichten bis zur Postmoderne: Tagungsakten des internationalen Symposions zur Reiseliteratur, University College Dublin vom 10.–12. März 1994 / A. Fuchs, Th. Harden (Hrsg.). Heidelberg, 1995; Asholt W. Stadtwahrnehmung und Fiktionalisierung // Berlin, Paris, Moskau: Reiseliteratur und die Metropolen / W. Fähnders u. a. (Hrsg.). Bielefeld, 2005. S. 31–45.

не столько контекстом, сколько *raison d'être*, на что уже указал Жак Деррида.³⁰ Все наблюдения приобретают здесь перспективу в зависимости от суждения об успехе или неудаче социалистического эксперимента, которое, конечно же, было субъективным, но высказывалось с претензией на объективность и достоверность. Соответствующим образом, автор был возведен в степень политического свидетеля, призванного сказать свое веское слово. В то же время для него многое было поставлено на кон, ведь речь шла не просто о плохой или хорошей книге, речь шла о его репутации.

Фейхтвангер со своей «Москвой 1937» укладывается в эти рамки, но только отчасти. Многочисленные чествования в Москве, аудиенции у высокопоставленных политиков, таких как Георгий Димитров, Максим Литвинов, Сталин и др., упрочили как его положение писателя, так и его роль в качестве *homo politicus*. Фейхтвангер сначала колебался, но потом почувствовал себя обязанным или призванным, публично высказать свои выводы. При этом, создавая свои путевые заметки, он имел в виду как западную, так и советскую читательскую публику, что является совершенно исключительным обстоятельством. На Западе он хотел выступить в поддержку антигитлеровского фронта, а тем самым и Советского Союза, а также – как он подчеркивал – компенсировать ущерб, нанесенный СССР книгой Андре Жида.³¹ Себя самого Фейхтвангер противопоставил колеблющимся западным интеллектуалам, чью позицию он характеризовал как «близорукую» и «недостойную». На их фоне он назвал себя «писателем, обладающем чувством ответственности», который ясно осознал, что «историю в перчатках делать нельзя».³²

В то время как на Западе Фейхтвангер надеялся добиться своей книгой позитивного эффекта, укрепляющего единый антифашистский фронт, то в отношении русскоязычной публикации он рассчитывал, что она окажет критическое действие, направленное на исправление некоторых «советских дефектов». Своей критикой советской сферы искусства, мелочной опеки и стандартизированного оптимизма он стремился поддержать советских деятелей искусства, в первую очередь – Эйзенштейна, показавшего Фейхтвангеру, вопреки запрету, отрывки своего нового, еще незаконченного фильма «Бежин луг».³³ Фейхтвангер, кото-

³⁰ Ср.: *Derrida J. „Back from Moscow, in the USSR“ // Postmoderne und Politik / J. Georg-Lauer (Hrsg.). Tübingen, 1992. S. 10–12.*

³¹ Ср.: Лион Фейхтвангер – Марии Остен. 24 авг. 1934 г. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), ф. 631, оп. 13, д. 87.

³² Ср.: *Feuchtwanger L. Moskau 1937. S. 147–149.*

³³ О критике закрытого показа и «апологетического отзыва» Фейхтвангера в советской прессе (Советское искусство. 5 февр. 1937 г.) о незаконченном, то есть еще не разрешенном к просмотру фильме, см. докладные записки Бориса Шумяцкого Политбюро и, соответственно, Молотову от 5 февр. и 28 марта 1937 г. // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике: 1917–1953 / А. Артизов и О. Наумов (сост.). М., 2002. С. 351–352, 357–358. В своей книге «Moskau 1937» Фейхтвангер восхвалял фильм как «шедевр, насыщенный настоящим внутренним советским патриотизмом» (S. 59), надеясь тем самым усилить позиции Эйзенштейна. См. также: *Lion Feuchtwanger – Sergej Eisenstein, 24. Nov. 1937. Feuchtwanger Memorial Library. Special Collections. University of Southern California (USC), Los Angeles: Box C1-c (Correspondence with other writers, E-G).*

рый сам временами страшился впасть в немилость, с напряжением ожидал, будет ли его книга опубликована в Москве и с большим облегчением воспринял ее выход в свет на русском языке в ноябре 1937 г. «в несокращенном виде, то есть со всей критикой конформизма, цензуры и т. п.», как он с гордостью отмечал.³⁴

Фейхтвангер многим пожертвовал для этого русского издания: ради него он вносил правки в собственный текст и рисковал, вполне сознательно, оскандалиться на Западе. Но погоня за двумя зайцами закончилась для него двойным фиаско: в Москве книга, вышедшая огромным тиражом 200 тыс. экземпляров, вскоре исчезла из библиотек и книжных магазинов, и не потому, что её конфисковали,³⁵ а потому, что она несла в себе потенциал своего запрещения: где еще в Советском Союзе можно было прочитать об «опустошительном деспотизме Сталина», «радости, которую он испытывает от террора», его чувствах «неполноценности, властолюбия и безграничной жажды мести»?³⁶ Что касается Запада, то книга не сумела упрочить антифашистское единство, зато вызвала напряжение в кругах немецкой эмиграции. Она стала темным пятном в ряду сочинений Фейхтвангера и приобрела скандальную известность в истории литературы.

Пусть путевые заметки 1930-х годов западных интеллектуалов, симпатизировавших СССР, без сомнения являются политическими текстами, мы не должны сводить их *только* к политическому мнению, которое, в свою очередь, одобряет или отвергает читатель. Изучению подлежат также их литературные характеристики, такие как структура текста, риторические приемы и т. д. К тому же следует включить текст в контекст творческой биографии его автора. В случае с Фейхтвангером это приводит к удивительным результатам. Апология общественного строя Советского Союза скрывает сомнения, с которыми, очевидно, боролся сам Фейхтвангер.³⁷ Близость к книге Жида временами просто поражает, даже если Фейхтвангер иначе рационализирует наблюдения.³⁸ Мнения скептиков и сомневающихся приводятся дословно, хотя Фейхтвангер и не признает их

³⁴ Lion Feuchtwanger – Eva Hoboken, 2. Dez. [1937] // Lion Feuchtwanger, Briefe an Eva van Hoboken/N. Gomringer (Hrsg.). Wien, 1996. S. 176 [письмо ошибочно датировано 1938 г.].

³⁵ Зам. начальника цензурного ведомства А. Самохвалов в январе 1938 г. специально указал в циркуляре региональным отделениям Главлита, что «книга Фейхтвангера ни в коей степени не подлежит изъятию». А. Самохвалов всем начальникам главлитов, крайобллитов, 27 янв. 1938 г. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 9425, оп. 1, д. 312.

³⁶ Feuchtwanger L. Moskau 1937. S. 141.

³⁷ См.: Busse M.-Ch. von. Faszination und Desillusionierung: Stalinismusbilder von sympathisierenden und abtrünnigen Intellektuellen. Pfaffenweiler, 2000. S. 252: «Стратегия заключалась в том, чтобы с особой решимостью защищать Советский Союз, тем самым пытаясь скрыть „собственные колебания“: Фейхтвангер перенес эту внутреннюю раздвоенность на страницы книги (<...>). Свои чувства он вложил в персону Андре Жида, таким образом его „рассудок“ получил возможность спорить с его „сердцем“».

³⁸ Ср.: Hartmann A. Abgründige Vernunft – Lion Feuchtwangers Moskau 1937 // Neulektüren – New Readings: Festschrift für Gerd Labrousse zum 80. Geburtstag/N. O. Eke, G. P. Knapp (Hrsg.). Amsterdam, 2009. В оcoб. S. 161–165; Hartmann A. Un anti-Gide allemand: Lion Feuchtwanger // Cahiers du Monde russe. 2011. N° 52/1. В оcoб. P. 123–125.

правоту. Уже в своем следующем романе «Изгнание» (1940) Фейхтвангер вновь выступает за «безоговорочную открытость» как принцип творчества: именно в том случае, если чувство и разум противоречат друг другу, «ни один из двух голосов» не должен умолкнуть в пользу другого.³⁹ И хотя молодой герой романа Ганс Траутвейн с радостью отправляется в Советский Союз, чтобы принять там участие в построении нового общества, Фейхтвангер одновременно вкладывает в уста его отца серьезные контраргументы, нацеленные против позиции, высказанной в «Москве 1937»: Зепп Траутвейн, *alter ego* Фейхтвангера, противопоставляет «сердце» «рассудку» и осуждает насилие как средство достижения цели: ведь «не цель облагораживает средства, а средства оскверняют цель».⁴⁰

Эта ревизия показывает, что «да», сказанное Фейхтвангером Советскому Союзу, основывалось, возможно, не на дефиците морали, а на ложном понимании политики, и «Москва 1937» появилась на свет потому, что ее автор попал в ловушку, стремясь продемонстрировать антифашистскую лояльность: кто не с нами, тот против нас, и кто критикует СССР, тот играет на руку национал-социалистам. Не будем спешить с приговором и точнее сфокусируем наш взгляд: непростая история текстов и контекстов, отношений и посещений, мнений и сомнений, наблюдений и посредничества еще не написана до конца.

³⁹ Feuchtwanger L. Nachwort (1939). In: Feuchtwanger L. Exil: Roman. Amsterdam, 1940. S. 984. Об изображении конфликта между рассудком и чувством в романе «Изгнание» см.: Busse M.-Ch. von. Faszination und Desillusionierung. S. 252–258. В отличие от путевых заметок Фейхтвангер в своих романах всегда старался «узнаваемо и правдоподобно показать разные точки зрения», без того, чтобы однозначно признать правоту одного из героев. См.: Winkler M. Das Dilemma intellektuellen Engagements oder Der Fluch erfüllter Wünsche: Lion Feuchtwangers „Moskau 1937“ // WortEnde: Intellektuelle im 21. Jahrhundert? / M. Winkler (Hrsg.). Leipzig, 2001. S. 90.

⁴⁰ Feuchtwanger L. Exil. S. 836. В своих путевых заметках Фейхтвангер брал интеллектуалов, критически настроенных по отношению к СССР: «Для них в данном случае не цель облагораживает средства, а средства оскверняют цель». См.: Feuchtwanger L. Moskau 1937. S. 148.